

Т. А. МАЙСАК

СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА
В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОТРИЦАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ УДИНСКОГО ЯЗЫКА)

1. ВВЕДЕНИЕ: об использовании нескольких стратегий отрицания. Выражение глагольного отрицания в русском языке не представляет особых трудностей с точки зрения выбора соответствующего показателя: у глагола существует единственная отрицательная морфема — частица *не*, которая всегда располагается в непосредственной препозиции к словоформе¹. *Не* используется с любыми формами глагольной парадигмы, будь то финитные формы индикатива (ср. *Сегодня Коля не пошел на работу*), императив (ср. *Не ходи завтра на работу!*), сослагательное наклонение (ср. *Если не было бы повода, мы бы не встретились*) или различные нефинитные формы (ср. *Не обнаружив дома хлеба, Коля расстроился, Было большой ошибкой не пойти на работу* или *Коле стало стыдно за невыполненное поручение*).

Вместе с тем имеется значительное число языков, в которых маркирование глагольного отрицания является, так сказать, «расщепленным»: один из нескольких отрицательных показателей выбирается в зависимости от глагольной формы или от типа предложения. Как правило, различных отрицательных морфем бывает не более трех или четырех, а основанием для их противопоставления может служить как грамматическая семантика глагольных форм (ср. выбор разных показателей отрицания в индикативе vs. императиве, в совершенном vs. несовершенном виде), так и синтаксический статус клаузы (ср. главное vs. зависимое предложение, глагольное vs. именное сказуемое и пр.). Примеры языков с несколькими показателями отрицания обсуждаются, в частности, в типологических обзорах [Рауне 1985: 222–223, 240–241; Horn 2001: 366–367, 447–452]; ср. также сборник [Kahrel, Berg 1994] с очерками о категории отрицания в 16 языках различных семей и ареалов.

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «Социолингвистическое и этнографическое исследование удин и удинского языка в России и Азербайджане», 2006–2008 гг.).

¹ В данном случае мы отвлекаемся от орфографических конвенций, предписывающих отображать *не* раздельно либо слитно.

Языки с более чем одной стратегией выражения отрицания достаточно характерны и для Кавказского ареала, о котором и пойдет речь ниже. Так, в грузинском основным показателем глагольного отрицания является *ar(a)*, однако в запретительной форме используется особая морфема *ni*; имеется также особый показатель *ver(a)*, который выражает значение невозможности, употребляясь с различными глагольными формами [Vogt 1971: 197–198, 218–220]. В армянском языке основная отрицательная морфема — это префикс *ǰ-*, используемый с формами всех времен и наклонений, за исключением повелительного наклонения, в котором используется частица *mi* [Кусикьян 1950: 75, 79]. В адыгейском языке, согласно традиционным описаниям, финитные формы образуют отрицательные эквиваленты при помощи суффикса *-en*, а нефинитные («инфинитные») — при помощи префикса *мы-*, хотя имеются и некоторые исключения [Рогава, Керашева 1966: 112, 239 и сл.]. Заметим, что три перечисленных языка относятся к разным языковым семьям (картвельской, индоевропейской и западнокавказской соответственно), поэтому сама по себе тенденция к «расщеплению» стратегий выражения отрицания не связана с языковым родством, а в лучшем случае может быть признана ареальным феноменом (хотя вполне вероятно и ее независимое возникновение в разных семьях).

К языкам, имеющим несколько показателей отрицания, относится и удинский, данные которого будут подробнее рассмотрены в этой статье. Удинский язык является представителем восточнокавказской (нахско-дагестанской) языковой семьи, включающей более 30 языков, носители которых проживают главным образом в Дагестане, Чечне и Ингушетии, а также в сопредельных районах на севере Азербайджана и на востоке Грузии. Внутри восточнокавказской семьи удинский входит в лезгинскую группу, занимая в ней наиболее периферийное положение — он первым отделился от пралезгинского языка, что произошло, по разным оценкам, от 3 до 3,5 тысяч лет назад. Его носители исторически проживали на территории Северного Азербайджана, причем территория их расселения постепенно сужалась; в настоящее время основным местом компактного проживания является Нидж — крупный поселок Габалинского района Азербайджана, где живет порядка четырех тысяч удин. Примерно столько же удин (или даже чуть больше) проживает в различных регионах России и в других государствах на постсоветском пространстве; подробнее см. [Майсак и др. 2006; Ганенков и др. 2008].

В основу данной статьи положен материал ниджского диалекта²; при этом были использованы примеры как из удинского букваря [Aydınov, Keçaarı 1996] и опубликованных сборников текстов [Кечаари 1996; Keçaarı 2001] и др., так и из корпуса текстов, собранного Д. С. Ганенковым, Ю. А. Ландером и автором статьи в с. Нидж в 2004–2006 гг. За дополнительные консультации благодарим носителей удинского языка Владислава Дабакова и Дениса Куранхой. Выражаем также признательность Ю. А. Ландеру, чьи замечания к первой версии статьи способствовали ее улучшению.

В настоящее время письменность на удинском языке имеет лишь ограниченное применение, к тому же единого ее варианта не существует. Если в словаре [Гукасян 1974] и сборнике художественных произведений [Кечаари 1996] была использована графика на основе кириллицы (с большим количеством диграфов), то в последующих публикациях Г. А. Кечаари был разработан латинский вариант алфавита (на основе азербайджанской графики), а в недавнем сборнике фольклора [Dabakov 2007] предлагается новая версия латинского алфавита с использованием диакритик (и отказом от диграфов). Ниже примеры из удинского языка приводятся в унифицированной транскрипции, которая в целом соответствует традиции московской кавказоведческой школы (о транскрипции и принципах глоссирования удинских текстов см. также [Ганенков и др. 2008; Майсак 2008а]).

2. Три стратегии отрицания в удинском языке. С точки зрения морфологического устройства структура удинских глагольных форм достаточно проста. Подавляющее их большинство образуется при помощи специальных суффиксов: ср. причастие / деепричастие совершенного вида *box-i* ‘сваривший; сварив’, инфинитив *box-es* ‘варить’, презенс *box-sa* ‘варит’, перфект *box-e* ‘сварил’, будущее потенциальное *box-o* ‘может быть, сварит’ и т. п.; подробнее см. [Майсак 2008б].

Еще одним важным классом грамматических морфем являются частицы (клитики); их при морфемном членении мы отделяем знаком =, а не простым дефисом. Особые глагольные формы образуют-

² Носители второго диалекта удинского языка — варташенского, или варташенско-октомберийского — проживают главным образом в райцентре Огуз (бывш. Варташен) на севере Азербайджана, в с. Зинобиани (бывш. Октомбери) Кварельского района Грузии, а также на юге России. Заметим, что существующие грамматические описания удинского языка [Дирр 1904; Джейранишвили 1971; Панчвидзе 1974; Schulze 1982] ориентированы прежде всего на варташенский диалект, а не на ниджский.

ся при помощи частицы прошедшего времени =j и юссивной частицы $q:a=$, к которым мы еще вернемся ниже. Самая же большая группа (полу)автономных частиц — это лично-числовые показатели, наличие которых обязательно в каждой финитной клаузе³. Место расположения лично-числового показателя зависит от коммуникативной структуры высказывания, а отчасти и от конкретной глагольной формы. Так, лично-числовая частица может примыкать к глагольной форме *сзади* либо внедряться внутрь корня (ср. перфект *boχ-e=ne* либо *bo=ne=χ-e* ‘он(а) сварил(а)’ с частицей 3-го лица ед. ч. =ne ⁴, при корне *boχ-* ‘варить’). Кроме того, частица может располагаться на другой словоформе в предложении — а именно примыкать к той составляющей, которая находится в фокусе в данном высказывании (ср. *nanaп χирт:=e boχ-e* ‘мама плов сварила’ — имеется в виду, что сварен был именно плов, а не что-либо иное); подробнее об этом см. [Harris 2002]. Данное свойство лично-числовых клитик представляет интерес и для проблематики, связанной с выражением отрицания, поскольку некоторые из отрицательных показателей способны «перетягивать» на себя эти морфемы, образуя комплексы из двух или трех частиц.

Все три показателя отрицания — каждый из которых будет ниже рассмотрен подробнее — также являются частицами: к ним относятся показатель «финитного» отрицания $te=$, «нефинитного» отрицания $ni=$ и отрицания повелительных форм $ma=$. Степень их автономности различна, но в целом все три частицы выступают в большинстве случаев как проклитики и занимают начальную позицию в составе глагольной словоформы либо в составе комплекса из нескольких частиц.

2.1. Отрицание $te=$: основные финитные формы. При помощи показателя $te=$ отрицательные эквиваленты образуют основные финитные видо-временные формы, к которым относится презенс, три прошедших времени (претерит и два перфекта) и три будущих времени (различающиеся модальными оттенками). Ср. примеры отрицательного презенса, перфекта и основного будущего времени, а также потенциального будущего, используемого и при описании общих закономерностей:

(1) *iž* *čux* *bazar-e* *te=ne* *taj-sa*, *χoraј* *te=ne* *boχ-sa*.
свой жена базар-DAT NEG=3SG уходить-PRS суп NEG=3SG варить-PRS
Его жена и на базар не ходит, и обед не варит.

³ Лично-числовое согласование является в удинском языке инновацией; в подавляющем большинстве других языков лезгинской группы оно отсутствует.

⁴ Показатель 3-го лица ед. ч. имеет варианты $\text{=ne} || \text{=n}$ (после гласной) либо =e (после согласной).

(2) cɪc:ɪkɪ:-ä bot:-at:ɾan zu sal te=z qɪi^ɕ-b-ijɔ.
 оспа-DAT колотыть-TEMP я совсем NEG=1SG бояться-LV-PERF
Когда делали прививку, я совсем не испугался. [Aydinov, Keçaarı 1996: 76]

(3) ene cɪc:ɪkɪ: te=jan ɕ:ek:-al.
 еще оспа NEG=1PL высыпать-FUT
Мы уже не заболеем оспой. [Aydinov, Keçaarı 1996: 76]

(4) tapan bo=ne=š-o, pul te=ne boš-o.
 живот насыщаться=3SG=ST-POТ глаз NEG=3SG насыщаться-POТ
Живот может насытиться, глаз не насытится. [Aydinov, Keçaarı 1996: 41]

Как легко заметить, лично-числовые клитики при наличии частицы *te=* всегда примыкают к ней справа — какое-либо иное место в предложении они занимать не могут. Это указывает на то, что данный тип отрицания всегда находится в фокусе, поскольку линейное расположение лично-числовых показателей в удинском языке напрямую связано с фокусным выделением; см. [Harris 2002: 47–48]. Что же касается расположения самого комплекса «*te=* + лично-числовой показатель», то он в большинстве случаев непосредственно предшествует глагольной словоформе, хотя иногда может примыкать к ней сзади, либо — подобно лично-числовым частицам в утвердительных высказываниях — располагаться внутри глагольной словоформы, разрывая основу глагола (ср. варианты отрицательного перфекта глагола *bak-* ‘быть, стать’: *te=ne bak-e ~ bak-e te=ne ~ ba=te=ne=k-e* ‘не был, не стал’).

Все глагольные формы, образующие отрицание при помощи частицы *te=*, относятся к финитным — они используются в независимых высказываниях, выражают значения вида, времени и наклонения и имеют обязательную позицию для лично-числового согласования. Вместе с тем существует и ряд глагольных форм, обладающих сходными свойствами, хотя и использующих другие отрицательные морфемы: так, например, для форм условного наклонения обязательно лично-числовое согласование, а повелительные формы используются преимущественно в независимых высказываниях. Это, с одной стороны, заставляет задуматься о самих по себе критериях финитности в удинском языке — ведь эти критерии являются, как известно, далеко не универсальными (см., в частности, обсуждение этой проблемы на материале дагестанских языков в [Kalinina, Sumbatova 2007]). С другой стороны, может оказаться неправомерным жесткое увязывание показателя *te=* с финитным статусом: возможно, «инвариант» употребления этой частицы следует искать в чем-то другом. Поскольку глагольные формы, использующие данный показатель, образуют ядро видо-временной системы индикатива, можно было бы предположить, что *te=* является именно показа-

телем «индикативного» отрицания. Однако данная гипотеза не находит подтверждения в связи с тем, что не все формы, использующие *te=*, могут быть безоговорочно признаны индикативными.

Выше уже говорилось о том, что особая частица прошедшего времени *=j* образует от всех основных финитных форм производные формы, временная референция которых сдвигается в «план прошлого» по сравнению с исходными. Так, от презенса частица *=j* образует имперфект (ср. *bo=ne=χ-sa* ‘варит’ ~ *bo=ne=χ-sa=j* ‘варил’), от претерита и перфектов образуются плюсквамперфекты (ср. *boχ-e=ne* ‘сварил’ ~ *boχ-e=ne=j* ‘уже сварил к тому моменту’). Что же касается будущих времен, то присоединение к ним частицы *=j* приводит к образованию форм, выходящих за рамки индикатива — это формы с контрфактической семантикой, которые употребляются, как правило, в аподосисе ирреальных условных конструкций, ср.:

(5) *za sa kaγ=al tad-iiji=n=ij, lap irāzi=z bak-o=j.*
 я:ДАТ один сын=& давать-CTRF=2/3SG=PST очень довольный=1SG **быть-POI=PST**
 (Господь дал мне четырех дочерей.) Если бы дал еще и одного сына, я был бы очень рад. [Кечаари 1996: 13]

При этом отрицательные эквиваленты форм «будущего в прошедшем» таковы же, как и у исходных будущих времен (отрицание другого типа они присоединять не могут), ср.:

(6) *iz vād-in-e p-iiji=t:un=ij, te=z eχ-o=j.*
 свой время-o-ДАТ говорить-CTRF=3PL=PST NEG=1SG **приходить-POI=PST**
 Если бы они вовремя сказали, я бы не пришел.

Таким образом, для определения сферы использования показателя *te=* объяснение в терминах грамматической семантики соответствующих форм (в частности, через понятие наклонения) не подходит. Что же касается объяснения в чисто синтаксических терминах, то оно требует уточнения критериев финитности в удинском языке. К поиску наиболее адекватной интерпретации мы вернемся после того, как рассмотрим употребление двух других отрицательных морфем.

2.2. Отрицание *ta=*: повелительные формы. При помощи префикса *ta=* отрицательные эквиваленты образуют три повелительные формы — императив, гортатив и юссив; заметим, что морфологически эти формы достаточно разнородны и не входят в единую парадигму. Императив 2-го лица ед. ч. всегда используется без личной клитики, при этом во множественном числе выступает стандартный показатель 2-го лица мн. ч.: ср. *ip-a* ‘скажи’ ~ *ip-a=nan* ‘скажите’). Гортатив, выражающий призыв к совместному выполнению действия, имеет особый

показатель и также не содержит лично-числовой морфемы (ср. *taɤ-en* ‘давайте пойдём’). Что же касается юссива, повелительной формы 3-го лица со значением ‘пусть сделает’, то он образуется весьма специфическим способом — от формы претерита на *-i* либо перфекта на *-e* при помощи частицы *q:a=*, за которой всегда следует лично-числовой показатель (ср. *boɤ-i=q:a=n* || *boɤ-e=q:a=n* ‘пусть он(а) сварит’).

В подавляющем большинстве случаев частица *ma=* в отрицательных повелительных формах находится в непосредственной препозиции к глаголу, располагаться после него она не может. При этом в юссиве *ma=* образует единый комплекс с юссивной частицей и лично-числовым показателем, и этот комплекс также практически всегда предшествует глагольной форме⁵. Ср. некоторые примеры:

(7) č:ðš ma=čur-p-a=nan, č:ovak-a=nan, arc-a=nan.
 снаружи ПРОН=СТОЯТЬ-LV-IMP=2PL проходить-IMP=2PL сидеть-IMP=2PL

Не стойте снаружи, проходите, садитесь! [Кецаари 2001: 50]

(8) t:ija ke ma=taɤ-en.
 туда сегодня ПРОН=УХОДИТЬ-НОРТ

Давайте сегодня туда не пойдём!

(9) hãjsã mi=ne, äjl-uɣ ma=q:a=t:un tac-i tara-p-s-a.
 сейчас холод=3SG ребенок-PL ПРОН=JUSS=3PL уходить-AOR гулять-LV-INF-DAT

Сейчас холодно, пусть дети не ходят гулять!

В отличие от отрицательной морфемы *te=*, определить сферу использования частицы *ma=* проще, причем это можно сделать в семантических терминах: она образует отрицательные эквиваленты от всех повелительных глагольных форм, и только от них. Заметим, что использование в прохибитиве особого показателя отрицания — другого, чем в основных формах индикатива — типологически широко распространено, хотя для западноевропейских языков и не столь характерно. Так, по данным масштабного исследования [Auwera et al. 2005], в выборке из 495 языков мира 327 языков (т. е. 66%) используют в императиве особый показатель отрицания; см. также о данном явлении [Sadock, Zwicky 1985: 175–177; Bernini, Ramat 1996: 112–115; Плунгян 2000: 319–320; Гусев 2005: 55–56]. Из языков Кавказа тенденции к выделению особой прохибитивной морфемы следуют, в частности, уже упоминавшиеся

⁵ Частица *ma=* в императиве и гортативе, равно как и комплекс «*ma= + q:a= +* лично-числовая клитика» могут также занимать инфиксальную позицию: ср. *u=ma=p-a* ‘не говори’, *ta=ma=ɤ-en* ‘давайте не пойдём’, *bo=ma=q:a=n=ɣ-i* ‘пусть он(а) не варит’. Префиксальная либо инфиксальная позиции отрицания не влияют на семантику формы и расцениваются как свободные варианты; в целом, формы с инфиксальным *ma=* встречаются гораздо реже.

выше грузинский и армянский языки, а также подавляющее большинство языков нахско-дагестанской семьи.

2.3. Отрицание *nu=*: нефинитные формы. Отрицательный показатель *nu=* более сложен для анализа, поскольку формы, с которыми он употребляется, не образуют гомогенной синтаксической либо семантической группы. Прежде всего, именно *nu=* используется для образования отрицательных эквивалентов прототипических нефинитных форм — причастий, деепричастий, инфинитива, отглагольных имен и пр. Все эти формы могут возглавлять только зависимые клаузы, которые не имеют лично-числового согласования: ср. в качестве примера употребление отрицательного причастия несовершенного вида *nu=avabakala* ‘незнающий’, отрицательного деепричастия совершенного вида *nu=ak:i* ‘не увидев’ и отрицательного инфинитива *nu=ukes* ‘не есть’, оформляющего в данном случае сентенциальное дополнение при глаголе ‘мочь’:

(10) *k:al nu=ava-bak-ala amdar krači k:inā=ne.*
 грамота NOT=знать-LV-PART человек слепой словно=3SG

Неграмотный (= грамоту не знающий) человек подобен слепому. [Аудinov, Кецаари 1996: 51]

(11) *äj:l-ov-o nu=ak:i, mälim t:oʽboʽl-χun*
 ребенок-PL-DAT NOT=видеть-CONV учитель рядом-ABL
č:ova=ne=k.i.
 проходить=3SG=ST-AOR

Не заметив детей, учитель прошел мимо.

(12) *zu χib vi hik:al nu=uk-es ba=z=k-o.*
 я три день ничто NOT=есть-INF мочь=1SG=ST-POT

Я могу три дня ничего не есть.

Вторую группу форм, всегда использующих отрицание *nu=*, образуют две формы условного наклонения, выражающие, соответственно, реальное и нереальное условие:

(13) *zu nu=eχ-aji=z, za-suz tak-i=nan.*
 я NOT=приходить-COND=1SG я-без уходить-IMP=2PL

Если я не приду, идите без меня.

(14) *zu t:i:ja nu=bak-iji=zu=j⁶, šo-t:in mo uk:ala te=ne=j.*
 я там NOT=быть-CTRF=1SG=PST тот-0-ERG это говорить-DEB NEG=3SG=PST

Если бы меня там не было, он бы этого не сказал.

⁶ Форма нереального условия всегда включает в свой состав клитику прошедшего времени =*j*.

В отличие от прототипических нефинитных форм обе условные формы являются «личными» и всегда используются с (суффиксальными) показателями согласования. Вместе с тем их употребление ограничено протасисом условных конструкций, т. е. зависимой клаузой. Использование с условными формами «нефинитного» отрицания *ni=* говорит о том, что, несмотря на «личность», эти формы все же ближе к нефинитным — тем самым само по себе выражение лица и числа в клаузе не может считаться в удинском языке достаточным условием для того, чтобы считать эту клаузу финитной. Что же касается выбора отрицательного показателя, то он выступает в данном случае в качестве одного из критериев определения финитного/нефинитного статуса, объединяя в одну группу глагольные формы с различными семантическими и морфосинтаксическими свойствами.

3. «ПЛАВАЮЩЕЕ» ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ. С точки зрения использования одного из трех показателей отрицания подавляющее большинство удинских глагольных форм делится на три непересекающихся группы: так, отрицательный эквивалент презенса всегда образуется при помощи частицы *te=*, отрицательный инфинитив — при помощи *ni=*, а императив — при помощи *ma=*, и т. п. Между тем существуют две формы, за которыми тот или иной показатель отрицания не является жестко закрепленным. Каждая из этих двух форм в зависимости от контекста употребления может иметь один из двух отрицательных эквивалентов: одна с частицами *te=* либо *ni=*, а вторая с частицами *ni=* либо *ma=*. И если, используя аналогию с маркированием синтаксических актантов⁷, противопоставление трех жестко закрепленных показателей можно назвать «расщепленным» выражением отрицания, то выбор показателя в зависимости от значения одной и той же глагольной формы является уже «плавающим». Ниже мы покажем, что выбор от-

⁷ Речь идет, в частности, о различных типах «активной» стратегии кодирования. В ряде языков падежное оформление актанта одноместного глагола зависит от семантики этого глагола и при этом закреплено лексически (например, при агентивных глаголах типа «идти» или «работать» актант всегда оформляется эргативом, а при пациентивных глаголах типа «умирать» и «мерзнуть» — номинативом). В других же языках падежное кодирование актанта у одного и того же глагола может варьировать и выбирается в зависимости от передаваемого в предложении значения (например, при глаголе «падать» используется эргатив, когда имеется в виду намеренное падение, а номинатив — падение случайное, не контролируемое субъектом); см., в частности, [Кибрик 2003: 131–132]. Первая стратегия кодирования в синтаксической типологии называется «жесткой», или «расщепленной» (split marking), тогда как вторая — «подвижной», или «плавающей» (fluid marking).

рицания в таких случаях вполне мотивирован и подчиняется тем же закономерностям, которые были выявлены выше.

3.1. Зависимый конъюнктив vs. императив 1-го лица ед. ч. Конъюнктив является еще одной неиндикативной формой, которая образует отрицание при помощи *ni=*. Как и две условные формы, конъюнктив имеет обязательную суффиксальную позицию для лично-числового согласования и используется главным образом в различных типах зависимых предложений — например, он оформляет сентенциальные дополнения при нефактивных предикатах ‘возможно’, ‘нужно’, ‘хотеть’, ‘опасаться’, ‘позволять’ и т. п. Такие зависимые нередко присоединяются при помощи союза *=ki* (энклитически примыкающего к главному глаголу), однако показатель зависимости может и отсутствовать, ср.:

(15) *ba=ne=k-o(=ki)* *ni=ek-a=z.*
 мочь=3SG=ST-POT(=что) **NOT=приходить-SUBJ=1SG**

Возможно, я не приду.

(16) *q:i⁸=za=b-sa* *nana za ve⁸=nu=bak-a=ne.*
 бояться=3SG=LV-PRS мать я.DAT **верить=NOT=LV-SUBJ=3SG**

Я боюсь, что мама мне не поверит.

Помимо этого форма конъюнктива может возглавлять особый тип независимых высказываний — это своего рода «самопобуждение», когда говорящий предлагает самому себе осуществить некоторое действие, признавая его необходимость, ср.:

(17) *matas'in-a* *ta⁸-a=z,* *eš-a=z.*
 повитуха-DAT **уходить-SUBJ=1SG** **приводить-SUBJ=1SG**

Пойду-ка я и приведу (надо бы мне пойти и привести) повитуху. [Кечари 1996: 13]

Конъюнктив в повелительном значении допустим только с 1-м лицом ед. ч. (тогда как зависимый конъюнктив имеет полную лично-числовую парадигму). При этом в отрицательных высказываниях с независимым конъюнктивом используется не показатель «нефинитного» отрицания *ni=*, а «прохибитивная» морфема *ta=*, ср.:

(18) *ek-i⁸* *zu* *ke* *ta=ta⁸-a=z,*
приходить-IMP я сегодня **PRON=уходить-SUBJ=1SG**
ājč:ā sagala *ta⁸-en.*
 завтра вместе **уходить-NORT**

Давай я сегодня не поеду, поедем завтра вместе!

⁸ Форма императива глагола ‘приходить’ стандартно выступает в уединском языке в повелительных высказываниях в роли грамматикализованной гортативной частицы (типа русск. *давай*).

3.2. Будущее время vs. долженствование. Из трех форм будущего времени в удинском языке две — нейтральное будущее на *-al* и будущее потенциальное на *-o* — при отрицании всегда используют показатель *te=* (ср. примеры (3) и (4) выше). Имеется и третья форма со значением будущего на *-ala*, которая достаточно нейтральна по значению (в отличие от потенциального будущего) и употребляется сравнительно редко (в отличие от нейтрального будущего), при этом она также образует стандартное «финитное» отрицание с частицей *te=*⁹, ср.:

- (19) *zu tāk mija čur-k:-ala te=zu.*
 я в одиночестве здесь **стоять-LV-DEB** NEG=1SG
Я здесь один не останусь. [Кецааги 2001: 123]

Форма на *-ala* интересна тем, что она полисемична и помимо значения будущего времени может выражать и значение долженствования в настоящем, — причем в этом случае ее отрицательный эквивалент образуется при помощи показателя *nu=*. Ср. пример из текста, в котором обсуждаются правила принесения животных в жертву: речь здесь идет о том, что при раздаче жертвенного мяса хозяин обязательно отдает голову животного другим людям:

- (20) *bul-a iz k:onžlɯv-on nu=eʃχ-t:-ala=ne.*
 голова-DAT свой хозяин-ERG NOT=брат-LV-DEB=3SG
Голову (животного) хозяин не должен забирать.

Как можно заметить, показатель «третьего будущего» / долженствования *-ala* совпадает с суффиксом причастия несовершенного вида *-ala* (ср. его употребление в примере (10)). Тем не менее, даже если это совпадение исторически неслучайно, считать примеры вроде (20) предложениями с отрицательным причастием — со структурой типа «хозяин есть не-забирающий голову» — никак нельзя: субъект переходных глаголов в предложениях со значением долженствования всегда стоит в эргативе (ср. *k:onžlɯv-on* ‘хозяин-erg’ выше), а не в номинативе, как в предложениях с именным сказуемым.

4. Обсуждение: категория отрицания и тип высказывания. Итак, мы рассмотрели три стратегии образования отрицательных предложений в современном удинском языке (на примере ниджского диалекта). Можно заметить, что в распределении этих трех стратегий играют роль как

⁹ Ср. также пример (14) с использованием отрицательной формы на *-ala* с частицей прошедшего времени в стандартном для «будущих в прошедшем» контрфактическом значении.

семантические, так и синтаксические факторы, хотя сформулировать единый критерий распределения не так просто.

Использование того или иного отрицательного показателя отчасти коррелирует с грамматической семантикой глагольных форм, и прежде всего с их модальным значением: так, морфема *te=* используется с настоящим, прошедшими и будущими временами индикатива, морфема *ta=* с повелительными формами, а *ni=* с формами условного наклонения и конъюнктивом. Тем не менее, данная корреляция не абсолютна: как уже указывалось, среди форм с отрицанием *te=* фигурируют и «будущие в прошедшем», по значению выходящие за рамки индикатива (так же, как и условные формы, они используются в условных конструкциях, только не в протасисе, а в аподосисе). Кроме того, за пределами противопоставления по модальности оказываются нефинитные формы.

Что касается собственно ф и н и т н о с т и, то она также коррелирует с использованием отрицательных морфем — все прототипические нефинитные формы (причастия, деепричастия, инфинитив и др.) обслуживаются единым показателем *ni=*. К ним примыкают и три формы косвенных наклонений (две условные формы и зависимый конъюнктив), которые на шкале финитности занимают скорее промежуточное положение: несмотря на обязательное личное согласование, они используются исключительно в зависимых клаузах. Выбивается из этого ряда лишь бесспорно финитная форма на *-ala*, которая демонстрирует «переменную» стратегию выражения отрицания и принимает показатель *ni=* в значении долженствования. Впрочем, и в этом случае можно говорить о зависимом статусе клаузы, возглавляемой данной формой — однако зависимость эта не синтаксическая (поскольку подчиненность какому-либо поверхностно выраженному предикату здесь отсутствует), а семантическая. По сути дела, пропозиция, выражаемая формой на *-ala*, находится внутри лексически не выраженного оператора долженствования (ср. *eⁱχt:-ala=ne* ‘он должен взять’ = ‘должен [взять]’), так что выбор показателя *ni=* может указывать именно на то, что отрицание также занимает в семантической структуре позицию внутри данного оператора, а не находится над ним (ср. *ni=eⁱχt:-ala=ne* ‘он не должен брать’ = ‘должен [не [взять]]’).

Наличие глагольных форм, проявляющих «переменную» стратегию выражения отрицания, лишний раз подчеркивает тот факт, что выбор отрицательного показателя происходит не на уровне глагольной формы (как члена глагольной парадигмы), а на уровне клаузы в целом: именно поэтому форма на *-ala* в значении будущего времени используется со

стандартным «финитным» показателем *te=*, а независимый конъюнктив в значении самопобуждения — с «прохибитивным» отрицанием *ma=*. Однако, как нам кажется, более адекватной интерпретацией распределения отрицаний является та, которая опирается не на грамматическую семантику глагольных форм и не на синтаксическую зависимость/независимость клаузы, а на тип высказывания, в составе которого соответствующая клауза употреблена.

Действительно, как легко заметить, все предложения, образующие отрицание при помощи *te=*, выражают суждения — все они имеют истинностную оценку и частица *te=*, соответственно, приписывает суждению отрицательную истинностную оценку. Частица *ma=* используется исключительно при отрицании повелительных высказываний, обращенных к первому, второму или третьему лицу — роль отрицания в данном случае состоит в том, чтобы предотвратить осуществление определенной ситуации. Что же касается клауз, возглавляемых нефинитными формами (в т. ч. зависимыми формами косвенных наклонений), то они самостоятельных высказываний не образуют и в семантической структуре пропозиции выражают зависимые компоненты смысла. Отрицание в данном случае имеет узкую сферу действия и находится под оператором иллокутивной силы, а в рассмотрении вводится ситуация, характеризующаяся негативно (например, ‘не знать грамоту’ в (10), ‘не заметить детей’ в (11), ‘ничего не есть’ в (12) и т. п.)¹⁰.

При таком подходе распределение показателей отрицания является одним из критериев для классификации типов высказываний в удинском языке: мы видим, что декларативные и императивные высказывания противопоставляются наиболее четко. Что же касается такого распространенного типа высказываний, как вопросы, то данный тип в удинском языке не имеет явных морфосинтаксических особенностей (помимо использования вопросительных слов) и выделяется главным образом по просодическим характеристикам¹¹. Вопросительные вы-

¹⁰ Ср. близкий подход к анализу распределения отрицаний в работе [Ландер, Сумбатова 2007], в которой делается вывод о том, что два типа маркирования отрицания в адыгейском языке связаны с противопоставлением ассертивных и пресуппозитивных компонентов высказывания: суффикс *-эн* используется при отрицании всей ассертивной части, тогда как префикс *мы-* — при отрицании части ассерции либо отрицании внутри пресуппозиции. (О традиционном подходе к объяснению распределения показателей через понятие финитности см. выше.)

¹¹ Единственное значимое отличие касается личного согласования — только в вопросительных высказываниях, причем главным образом в частных вопросах,

сказывания не противопоставлены декларативным и императивным, а скорее являются разновидностью внутри данных типов — возможны, в частности, как декларативные, так и императивные вопросы, имеющие ту же структуру (и те же показатели отрицания), что и соответствующие утвердительные высказывания, ср.:

(21) hun hālā xoǰaj boχ-i te=nu?
ты еще суп варить-AOR NEG=2SG

Ты еще не сварила суп?

(22) be ma=ek-a=z zu?
сегодня PRON=приходить-SUBJ=1SG я

Мне сегодня не приходится?

(23) bul-a iz ktonǰlɯv-on nu=e^hχ-t-ala=ne?
голова-DAT свой хозяин-ERG NOT=брат-LV-DEB=3SG

Голову (животного) хозяин не должен забирать? (Ср. (20))

Таким образом, удинский язык отчетливо демонстрирует, что именно различия в стратегиях глагольного отрицания могут служить одним из важнейших параметров при семантической классификации глагольных форм и, шире, типов высказывания.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

AOR — аорист

COND — реальное условие

CONV — деепричастие сов. вида

CTRF — контрфактическое условие

DAT — датив

DEB — будущее / долженствование

ERG — эргатив

FUT — будущее нейтральное

HORT — горгатив

IMP — императив

INF — инфинитив

JUSS — юссив

LV — служебный глагол

(в сложных лексемах)

NEG — «финитное» отрицание

NOT — «нефинитное» отрицание

O — показатель косвенной основы

PART — причастие несов. вида

PERF — перфект

PL — множественное число

POT — будущее потенциальное

PRON — «прохибитивное» отрицание

PRS — презенс

PST — прошедшее время

SG — единственное число

ST — часть глагольной основы,
отделяемая клитиками

SUBJ — конъюнктив

TEMP — временное деепричастие

& — частица 'тоже, даже'

может выступать особый показатель 3-го лица ед. ч. =a (вместо =ne || =e), ср. *fikirbsun=e lazim* 'нужно подумать' vs. *hik:ä besun=a lazim?* 'что нужно сделать?'.

ЛИТЕРАТУРА

- Ганенков и др. 2008 — *Ганенков Д. С., Ландер Ю. А., Майсак Т. А.* Удинский язык (ниджский диалект) // *Малые языки и традиции: существование на грани.* Вып. 2: Тексты и словарные материалы / Под ред. А. Е. Кибрика. М., 2008.
- Гукасян 1974 — *Гукасян В. Л.* Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.
- Гусев 2005 — *Гусев В. Ю.* Типология специализированных глагольных форм императива. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Джейранишвили 1971 — *Джейранишвили Е. Ф.* Удийский язык: Грамматика. Хрестоматия. Словарь. Тбилиси, 1971. [На груз. яз.]
- Дирр 1904 — *Дирр А.* Грамматика удинского языка // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.* Вып. XXXIII. Тифлис, 1904.
- Кечаари 1996 — *Нана очьал* / Сост. Ж. Кечаари. Баку, 1996. [На удин. яз.]
- Кибрик 2003 — *Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кусикьян 1950 — *Кусикьян И. К.* Грамматика современного литературного армянского языка. М.; Л., 1950.
- Ландер, Сумбатова 2007 — *Ландер Ю. А., Сумбатова Н. Р.* Адыгейские отрицания // *Кавказский лингвистический сборник.* Вып. 18. М., 2007.
- Майсак и др. 2006 — *Майсак Т. А., Ландер Ю. А., Ганенков Д. С.* Удинский язык в переходный период (Филологические чтения — 41) // *Вопросы филологии.* 2006. № 3. С. 106–108.
- Майсак 2008а — *Майсак Т. А.* Варианты удинской орфографии и транскрипции (краткий обзор) // *Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка* / Отв. ред. М. Е. Алексеев, Т. А. Майсак. М., 2008.
- Майсак 2008б — *Майсак Т. А.* Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // *Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка* / Отв. ред. М. Е. Алексеев, Т. А. Майсак. М., 2008.
- Панчвидзе 1974 — *Панчвидзе В. Н.* Грамматический анализ удинского языка. Тбилиси, 1974. [На груз. яз.]
- Плунгян 2000 — *Плунгян В. А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Рogaва, Керашева 1966 — *Рogaва Г. В., Керашева З. И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966.
- Auwers et al. 2005 — *Auwers J. van der, Lejeune L., Goussev V.* The Prohibitive // *The World Atlas of Language Structures* / Ed. by M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil, B. Comrie. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Аудinov, Кеçаари 1996 — *Аудinov Я. А., Кеçаари Ж. А.* Əlifba (Tietlir). Bəkü, 1996.
- Bernini, Ramat 1996 — *Bernini G., Ramat P.* Negative Sentences in the Languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 1996.
- Dabakov 2007 — *Udiğoy folklor: Nağlxo. Legendoox* / Сост. V. V. Dabakov. Астрахань, 2007. [На удин. яз.]
- Harris 2002 — *Harris A.* Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax. Oxford: Oxford University Press, 2002.

- Horn 2001 — *Horn L. R.* A Natural History of Negation. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- Kahrel, Berg 1994 — Typological Studies in Negation / Ed. by P. Kahrel, van den R. Berg. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
- Kalinina, Sumbatova 2007 — *Kalinina E., Sumbatova N.* Clause Structure and Verbal Forms in Nakh-Daghestanian Languages // *Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations* / Ed. by I. Nikolaeva. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Keçaari 2001 — *Keçaari K.* Orayin. Bakı, 2001.
- Payne 1985 — *Payne J.* Negation // *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. I / Ed. by T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Sadock, Zwicky 1985 — *Sadock J. M., Zwicky A. M.* Speech Act Distinctions in Syntax // *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. I / Ed. by T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Schulze 1982 — *Schulze W.* Die Sprache der Uden in Nordazerbajdžan. Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz, 1982.
- Vogt 1971 — *Vogt H.* Grammaire de la langue géorgienne. Oslo: Universitetsforlaget, 1971.